

EASTERN REVIEW 2013, t. 2

*Ирина А. Василенко, Лариса Г. Титаренко,
Малгожата Абассы*

Сравнительный анализ политических ценностей в процессе модернизации России, Беларуси и Польши

Модернизация – современный глобальный вызов всем странам, но каждая страна решает ее по-своему, выдвигая свои первоочередные цели и опираясь на свои ресурсы. Если признать, что главная цель модернизации – улучшение условий и качества жизни населения, то именно этим критерием и будут измеряться ее успехи¹. Политические элиты не должны забывать об этом и заикливаться только на экономических либо политических целях, как это имело место в самом начале постсоветской трансформации, когда построение рынка и демократии стали самоцелью.

Большинство теорий политической модернизации исходит из презумпции, что поставленные элитой цели, достигаются прежде всего прагматическими, прикладными и технологическими методами. Согласно такому подходу, „правильная” модернизационная стратегия и тактика ведет к победе, „неправильная” – к провалу. На наш взгляд, нельзя отрицать значение стратегических расчетов и технологий, без них никакая модернизация не состоится, но нельзя их и абсолютизировать. Когда есть проект, технологии и рациональный расчет, необходимо еще найти ответ на закономерный вопрос: кто и почему эти планы будет претворять в жизнь? Осмысливая понятие модернизации, не следует трактовать его как синоним единственного, магистрального развития современного общества: в процессе развития всегда есть несколько вариантов. Однако некорректно и редуцирование модернизации к ее техническим аспектам – информатизации, техническим инновациям и т.п. Важно понять, на какие результаты может рассчитывать общество, идущее по пути модернизации.

¹ Н.И. Лапин, *Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии*, „Социологические исследования” 2012, No. 9, с. 5.

Модернизация не может ограничиться только сферами экономики, политического управления и законодательства, хотя они принципиально важны. Модернизация предполагает, прежде всего, политическую волю большинства граждан, которые согласны повседневно активно участвовать в инновационных проектах. Вот здесь и встает вопрос о политических ценностях граждан, которые лежат в основе мотиваций, детерминирующих их поведение. Насколько коррелируют эти ценности большинства с целями предстоящей модернизации? И как это отражается на динамике модернизационных процессов в стране?

В данной статье мы будем исходить из того, что раз нет единственного пути проведения модернизации, то, видимо, и ценностные мотивации будут различаться в зависимости от культурно-исторического прошлого страны, ее прошлого опыта развития, традиций, менталитета народа².

Весьма интересным в этом плане может быть сравнительный анализ опыта разных стран, идущих по пути модернизации. В нашем случае это Россия, ее партнер по союзному государству Беларусь, и западный сосед Польша. Ни одна из стран не похожа на другую, и тем не менее они имеют общее коммунистическое прошлое, а потому их сравнение имеет под собой основание. Эти страны примерно в одно и то же время вступили на путь политической модернизации в 1990-е годы. Постараемся выявить общее и особенное в ценностных предпочтениях граждан трех стран с точки зрения их влияния на модернизационные процессы.

Начнем с российского опыта. Согласно социологическим исследованиям ВЦИОМ³, центральной для россиян в 90-е вгт. была ценность свободы. Следует особо сказать о том, что „российская идентичность” принципиально расходится с европейской культурой в понимании свободы. Свобода в русском ее понимании – это прежде всего возможность „быть самому себе хозяином”. Две трети россиян считают, что свобода – это то, без чего жизнь теряет свой смысл. Только треть соглашались с тем, что свобода второстепенна и ставят выше нее материальное благополучие. Причем данный результат повторяется от исследования к исследованию на протяжении всех 20 лет реформ⁴.

В начале 2000-х россияне наряду со свободой на первое место выдвигают ценности безопасности и стабильности⁵. Несколько позже, с началом

² В.Н. Осин, *Общепризнанные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет*, „Вопросы философии” 2012, No. 9, с.46.

³ *Исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения*, <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112352>.

⁴ М. Горшков, *Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры*, „Власть” 2013, No. 1.

⁵ *Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы*, ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева, Москва 2003.

мирового экономического кризиса (2008 г.) стабильность уходит в общественном сознании на второй план, появляется запрос на другие ценности. Социология довольно четко показывает, что сегодня (впервые после распада СССР) такими актуальными ценностями стали патриотизм, державность, самобытность. Современные исследования говорят о том, что свыше половины граждан страны считают: индивидуализм и либерализм западного типа России не подходят, для нее важны чувство общности и жестко управляемое государство. Причем подобные умонастроения разделяет не только российская глубинка, но и население крупнейших российских мегаполисов – Москвы и Санкт-Петербурга⁶.

Исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения 2010–2011 гг.⁷ показывают, что ценности патриотизма и демократии считают самыми важными 24% и 28% респондентов соответственно. В понятие патриотизма в большинстве случаев вкладывается глубоко позитивный смысл, предполагающий уважительное отношение к собственной стране, ее культуре, ее прошлому. Что касается ценности демократии, то выяснилось, что в постсоветский период для многих граждан с демократией связан ряд негативных коннотаций: она ассоциируется с развалом советской государственности, экономики, с обострением межнациональных конфликтов, с падением уровня жизни большинства населения. Поэтому авторы исследования предложили респондентам использовать понятие демократии сугубо в позитивном смысле.

Следуя предложенному подходу, связывают понятие демократии со свободой слова, печати, вероисповедания (44%), с экономическим процветанием страны (28%). Россияне, согласно опросу, более позитивно, чем в предыдущие годы воспринимают ценности национальной самобытности (рост с 9 до 12%) и особенно державности (с 9 до 14%). Многие политологи интерпретируют это в контексте потребности восстановления значимого статуса страны на мировой арене. При этом идеология либерализма, которая в начале перестройки была прочно связана с демократией, утратила свою привлекательность: ее поддерживают лишь 3% граждан, а идея капитализма, напротив, выросла с 3 до 7%.

Сегодня около 25% россиян симпатизируют разным левым идеологиям: коммунизму (8%), социализму (19%). При этом более половины респондентов (53%) скептически относятся к перспективе появления новых партий⁸.

Поэтому при определении вектора возможных перемен в обществе наиболее предпочтительным большинство респондентов (62%) посчитали „левый”, предполагающий укрепление роли государства во всех сферах жизни, национализацию крупнейших предприятий и отраслей, жесткое подавление

⁶ М. Горшков, *Российская идентичность...*

⁷ *Исследования Всероссийского центра...*

⁸ *Исследования Фонда „Общественное мнение”, <http://fom.ru/partii/10296>.*

коррупции, ограничение вывоза капитала, тогда как „правый” – либерализация всех сфер жизни, освобождение бизнеса от власти чиновников, усиление конкурентноспособности, высвобождение инициативы граждан – нашел гораздо меньшее число сторонников (18%).

Собирательный образ современного российского политика с оптимальной „положительной” репутацией получил весьма разнообразные характеристики: это реформатор (53%), демократ (55%), обязательно противник национализма (71%), не популист и не консерватор (по 55%), не радикал (51%). Таким образом, данное исследование показывает: российское общество сегодня хочет модернизационных перемен и ждет рационально мыслящих реформаторов-непопулистов. Помимо этого, социологи отмечают, что в сегодняшней России стремление к сближению с Западом, как и мечта об „общеевропейском доме”, характерны только для 10-процентов граждан. Охлаждение россиян к Европе связано с недоверием к политике отдельных европейских государств и Евросоюза в целом. Только один человек из пяти соглашается с тем, что европейцы стремятся к всестороннему и равноправному сотрудничеству с Россией. Большинство россиян убеждены в обратном: около 1/2 из них полагают, что Европа видит в усилении России угрозу и потому не желает ее действительного подъема, а почти 2/3 убеждены в том, что ее интерес к России ограничивается исключительно природными ресурсами. Что же касается факторов, сдерживающих сближение с Европой, то среди основных из них россияне называют стремление Евросоюза навязывать России свое понимание демократии, а также нарастание угрозы со стороны НАТО. Отмечается нежелание Евросоюза допускать российский бизнес на свои рынки, и стремление Запада переписать историю Второй мировой войны, поставить под сомнение решающий вклад СССР в победу над фашизмом⁹. Таким образом, россияне сегодня достаточно скептически оценивают перспективы российско-европейского сотрудничества, которое в недавнем прошлом рассматривали как „стратегическое партнерство”.

Теперь обратимся к Беларуси. В этой стране за годы постсоветского развития отношение к политическим ценностям, включая демократию, изменилось. Простым белорусам не были известны классические западные определения демократии, поэтому под ней в начале независимого развития страны понимались идеи политического равенства, прав и свобод для всех, а также выборность власти. Именно на эти характеристики делала акцент постперестроечная элита. Поскольку все они были зафиксированы в Конституции Республики Беларусь (1993), население в принципе полагало, что оно обладает той или иной степенью демократии. В начале 1990-х, в условиях кризиса, намного более актуальными для белорусов стали право на труд, на жилье и другие социальные права граждан, поэтому население стало по-

⁹ М. Горшков, *Российская идентичность...*

нимать демократию и как обеспечение социальных прав и гарантий, наряду с политическими правами и свободами. Как только экономическая ситуация в Беларуси стабилизировалась, граждане потеряли интерес к политическим переменам: как и в России, на первый план вышли ценности стабильности и порядка, что было зафиксировано и в социологических исследованиях¹⁰.

Таким образом, уже в 1990-е гг. понимание белорусами демократии отличалось от либеральных трактовок, принятых в западной политической науке. Западные неолибералы стремились минимизировать роль государства в экономической сфере, поэтому путь развития, выбранный в Беларуси, был ими оценен как недемократический. Стремясь подвести теоретическую базу под провал попыток постсоветской политической трансформации по западным меркам, американский политолог Томас Каротэрс пришел к выводу, что демократические изменения всегда очень хрупкие и неустойчивые, поэтому „переходные режимы часто поворачивают к гибридным режимам”, совмещающая элементы демократии с авторитарными¹¹.

Отметим, однако, что и на Западе имеют место другие трактовки демократии. Так, политолог Кевин Олсон разработал концепцию рефлексивной демократии, в которой утверждал, что демократия и закон являются основой государства всеобщего благоденствия, т.е. должны использоваться для обеспечения населения социальными правами и благами¹². Эти взгляды близки пониманию демократии в Беларуси, где население возлагает гарантию социальных прав именно на государство, которое открыто заявляет о своей социальной ориентированности, что обеспечивает политическому режиму достаточную поддержку электората. Иные трактовки демократии не пользуются у населения широкой поддержкой, которое неизменно отдает приоритет социально-экономическим ценностям, и делает свой политический выбор, исходя из роста своего благосостояния.

Главное расхождение в западных и белорусских трактовках демократии состоит в том, какая демократия нужна стране. Как верно выразился насчет постсоветского развития Зигмунт Бауман, пост-советский регион не рассматривает демократию в том ракурсе, как ее видят западные политологи¹³. Несмотря на то, что часть политической элиты (особенно критически настроенной) желала бы построить в Беларуси режим либеральной демократии, массовые опросы демонстрируют, что население не принимает этой модели. Причина такого отношения связана с тем, что чужие модели трудно адаптировать к реалиям постсоветских стран. Поэтому в ряде этих стран,

¹⁰ См. Л.Г. Титаренко, *Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект*, Минск 2004.

¹¹ T. Carothers, *The End of the Transition Paradigm*, „Journal of Democracy” 2002, No. 13(1), с. 5.

¹² K. Olson, *Reflexive Democracy. Political Equality and the Welfare State*, Cambridge 2006, с. 19.

¹³ З. Бауман, *От агоры к рынку*, „Свободная мысль” 2010, No. 8, с. 73.

включая Беларусь, режимы не отвечают западным критериям демократии, в то время как население этих стран выражает удовлетворение общим развитием страны и оказывает поддержку власти. Так, в репрезентативном опросе жителей Минска, было выявлено, что общая оценка либеральных политических ценностей населением очень низкая, тогда как оценка социально-экономических ценностей (зарплата, наличие работы, жилья) получили самую высокую оценку¹⁴. Поскольку это исследование проводилось в докризисный период, можно считать, что в нем нашли отражение базовые ценности минчан, среди которых собственно политические уступили место экономическим. Этот факт согласуется с тезисом Инглхарта, что постсоветские страны в целом ориентированы на материалистические ценности.

С другой стороны, если согласиться, что основной критерий демократического режима – проведение выборов, тогда можно утверждать, как иронично писал польский политолог Эдмунд Мокржицкий, что „весь постсоветский регион, включая Беларусь, является более демократическим, чем он был в 1980-е гг.”¹⁵ В подтверждение тезиса об успешном развитии Беларуси, белорусский социолог Игорь Котляров приводит данные мониторинга, согласно результатам которого население считает, что страна идет демократическим путем, и, следовательно, западные упреки в ее адрес не имеют основания¹⁶.

Ситуация с оценкой демократии в Беларуси типична для постсоветских стран. Так, по данным четвертой волны (2008) Европейского исследования ценностей, куда были включены семь постсоветских стран, чем больше политических изменений происходит в стране, тем меньше граждане испытывают удовлетворения от их результатов. Например, более половины опрошенных в Беларуси и Азербайджане были удовлетворены развитием там демократии, а в Молдове и Украине, переживших цветные революции, таких ответов было намного меньше¹⁷. Видимо, на успехи экономического развития демократия не оказывает положительного влияния, отсюда и неудовлетворенность в ее оценке гражданами в политически менее стабильных странах. Выявленная тенденция не означает, что демократия не нужна, однако граждане оценивают ее реализацию в стране по практическим результатам, а не по факту революции или смены политических элит, которая сама по себе не меняет социально-экономической ситуации. В целом же, по данным этого исследования, граждане всех стран высоко ценят демократию.

¹⁴ Минчане в начале 21-го века: социально-экономический и психологический портрет, Минск 2006, с. 19.

¹⁵ E. Mokrzycki, *Democracy in a Non-Democratic Society. The Paradoxes of Unintended Consequences*, Budapest 2000, с. 63.

¹⁶ И.В. Котляров, *Динамика социально-политической ситуации в Республике Беларусь: опыт социологического мониторинга*, „Проблемы управления” 2009, No. 31 (2), с. 78–84.

¹⁷ *European Values Study*, <http://www.europeanvaluesstudy.eu/evs/surveys>.

Таблица 1. В целом, вы удовлетворены развитием демократии в вашей стране? (в %)

Страна	Вполне удо- -влетворен	Скорее удо- -влетворен	Скорее, не удовлетворен	Совсем не удовлетворен	Нет ответа	Не знаю
Армения	2,4	44,1	27,8	21,8	1,4	2,5
Азербайджан	31,8	44,9	12,0	9,0	0,1	2,3
Беларусь	11,1	40,4	23,4	6,2	2,5	16,5
Грузия	4,0	32,6	44,9	8,7	0,6	9,2
Молдова	1,2	24,2	51,5	15,6	0,7	6,7
Россия	3,3	29,5	41,1	12,0	0,5	13,5
Украина	2,3	12,7	43,4	33,2	0,5	7,8
В целом	8,0	32,6	35,0	15,2	0,9	8,4

Разница между странами является значимой (односторонний критерий ANOVA: $F = 344,2$; $p < .000$).

Тем не менее, как показало европейское исследование ценностей, граждане стран, отдающих приоритет стабильности и поддерживающих патерналистскую функцию государства (среди них и Беларусь), ставят ценности социальной защиты и стабильности выше, чем политические свободы и права. Поскольку многие из этих стран экономически успешно развиваются, встает вопрос, зачем им следовать западным схемам развития и принимать навязываемые ценности, если и без них можно достичь целей модернизации?

Можно заключить, что постсоветская практика дала подтверждение тому, что критическое отношение к западным трактовкам политических ценностей, якобы необходимых для успешного развития этого региона, было правомерно. Сегодня даже некоторые западные авторы признали, что навязывание либеральной демократии на постсоветском пространстве не имело смысла, ибо нельзя было ожидать внедрения либеральных политических ценностей там, где не было исторической традиции парламентаризма, не была развита демократическая политическая культура и т.п.¹⁸ Было признано, что если внедрять демократию в страну без наличия в ней предварительных условий и соответствующего культурного базиса, то результатом может стать потеря социальной стабильности как внутри государства, так и в целом регионе.

Таким образом, за два постсоветских десятилетия граждане Беларуси на практике определились с тем, чтобы развивать свою страну без опоры на либеральные политические ценности как „единственно адекватные” для того, что-

¹⁸ E. Mansfield, J. Snyder, *Electing to Fight: Why Emerging Democracies go to War*. Cambridge 2005, с. 273.

бы страна смогла построить информационное общество, успешно продолжать модернизацию во всех сферах жизни, и в конечном счете добиться более высокого качества жизни своих граждан. Взяв за основу ценности стабильности, политические элиты и население тем не менее будет продолжать модернизацию своей страны, с опорой на эти приоритеты.

Обратимся теперь к опыту современной Польши. В программах польских партий накануне парламентских выборов в 2011 году модернизация интерпретировалась по-разному и ассоциировалась с различными политическими ценностями. Пример трех крупнейших партий – Гражданской Платформы (ГП), Права и Справедливости (ПиС) и Союза Левых Демократических Сил (СЛД) – показывает дезориентацию в отношении сущности модернизации и масштаба перемен. В документах ГП основные ценности – это экономическое развитие и материальное благосостояние. В то время как ПиС выдвигала на первый план идею права, обращалась к христианским ценностям и призывала „рассчитаться с коммунистическим прошлым”; программные документы подчеркивали бытовой, моральный характер модернизации, отодвигая на второй план экономические вопросы. СЛД отличалась от предыдущих двух партий, выводя на первый план постулаты социальной опеки, заботы о равномерном развитии всех регионов Польши с помощью дотаций из госбюджета. Ее руководители видели модернизацию, как смену мировосприятия, в которой на первый план выходила свобода в лево-либеральной версии.

Поэтому ничего удивительного в том, что респонденты были критичны в своих оценках, а, в лучшем случае, амбивалентны. В канун парламентских выборов, опрошенные поляки выразили желание голосовать за „меньшее зло”. Этот негативный выбор был показателем не столько основных для электората ценностей, сколько индикатором того, чего электорат не хочет. Опрос показал, что в шкале ценностей высоко находится чувство безопасности, связываемое с покровительственным характером государства: 86% опрошенных считает, что государство должно обеспечить гражданам такие выгоды, как бесплатная медицинская помощь и образование¹⁹. Большой протест вызвала также приватизация: 72% респондентов ответило, что ее темп слишком быстрый и в общем это скорее негативное явление, так как влечет за собой риск безработицы.

Хотя ПиС старается рекламировать религиозность поляков и христианские ценности, как первостепенные во всех сферах жизни – также политической, опрос общественного мнения выявил противоположную тенденцию: 84% поляков считают, что Костел не должен вмешиваться в политику, а вера является личным выбором каждого человека.

Таким образом, сегодня польское общество поделено на три группы с нечеткими границами, сосредоточенные вокруг представляемых партия-

¹⁹ http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2011/K_103_11.PDF.

ми ценностей. На одном полюсе находятся чувство безопасности и общины, тогда как на другом – либерализм, конкурентноспособность, ассоциируемые с развитием. В середине – электорат, ожидающий возможности объединения экономического развития под эгидой государства с широко понимаемой личной свободой. Мировоззренческий раздел общества отображает „левых” и „правых”; на одной чаше весов находится поддержка для влияния Костела в государственной политике и личной жизни граждан (проблема абортов), а на другой – окончательное разделение религиозной сферы от публичной.

Позиция польского общества в отношении Евросоюза также имеет бинарный характер: стремление к как можно теснейшей интеграции с Евросоюзом соседствует с нежеланием принятия его структур и поиском собственного пути развития. В последнее время, вследствие экономического кризиса, а также проблемы миграции, с которой сталкиваются страны ЕС, идея интеграции Польши с ЕС потеряла свою привлекательность. Каждый третий поляк высказывается в пользу независимости по отношению к политике Евросоюза²⁰. То есть, европейские ценности находятся в противостоянии с польскими. Ни одни, ни другие не определены однозначно, выступая как сбор символов, представлений и ценностей, сформировавшихся в двух культурных канонах, похожих, но, в то же время, не совпадающих друг с другом.

Политическая сцена и ее оценка отражают социальную ситуацию. Среди ценностей объединяющего характера, – семьи, сотрудничества и вышеупомянутого доверия – первое место занимают семейные ценности. Последние исследования показали, что каждый четвертый поляк наиболее приемлемой считает модель большой семьи, состоящей из нескольких поколений. Среди ценностей, унаследованных от старших, респонденты назвали любовь (64%), знание истории семьи (57%), воспитание моральных принципов (57%), а также религиозность (54%). Связь между бабушкой и дедушкой и внуками сильнее, чем между родителями и детьми. Хотя, кажется, в модернизационных переменах эта связь не играет существенной роли, оставаясь теплым воспоминанием.

Если рассматривать демократию как ценность, исследования показывают, что поляки, в принципе, относятся к ней положительно, считая основанное на ней государственное устройство за лучшее из возможных. Такое мнение высказывает сегодня 68% опрошенных²¹. Хотя в каждой мировоззренческой и возрастной структуре преобладает положительная оценка, однако, сторонников демократического строя значительно больше среди очень молодых людей (18–24 лет), с высшим образованием, стабильной материальной ситуацией, слабо религиозных²².

²⁰ http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2011/K_103_11.PDF, с. 6.

²¹ http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2011/K_150_11.PDF.

²² http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2011/K_150_11.PDF, с. 3.

Религиозные ценности являются важной частью национального самосознания поляков, которая стала центральным пунктом программы некоторых политических партий (например, ПиС) и их электората. В политический дискурс периодически возвращается вопрос о религиозных символах и праве их использования. Является ли крест орудием в политических играх или, все-таки, символом определенной традиции и социального устройства – эта проблема до сих пор остается нерешенной. Поляки, на вопрос о своей готовности принять крест в публичном пространстве, например, в школах, учреждениях, в большинстве своем, не выразили протеста (88%)²³.

С 1989 года Польша стоит на аксиологическом перекрестке в сфере политических, ценностей. Смена вектора политики, направленного на СССР, в сторону Евросоюза, оказалась недостаточной для разрешения сложной ситуации зависимости. Первоначальные лозунги возвращения к европейским корням не привели к более тесному сплочению идей. Поколение „Солидарности” постепенно уходит с польской социально-политической сцены, уступая место „детям” и „внукам”. Оставленное ими наследство должно быть преобразовано и включено в политическое пространство как собрание ценностей, позволяющих сохранить культурную преемственность.

Обозревая эволюцию ценностных предпочтений россиян, белорусов и поляков в постсоветский период, хорошо видно что в этих странах с начала 1990-х происходила определенная эволюция ценностных представлений – первоначальная ориентация на ценности западной модели модернизации (либерализм, свобода, мораль успеха, а у поляков также идея возвращения к европейским корням) сменились в настоящее время доминированием ценностей безопасности и стабильности, стремлением опереться на государство, найти у него помощь в социальных вопросах.

Совершенно определенно в этих странах обозначился „левых поворот” в модернизационных процессах. Белорусы изначально были ориентированы таким образом. Среди россиян поворот поддерживают 62% респондентов, ориентированные на укрепление роли российского государства во всех сферах жизни, национализацию крупнейших предприятий и отраслей, жесткое подавление коррупции, ограничение вывоза капитала. Среди поляков сторонников левого поворота еще больше: 86% респондентов считают, что польское государство должно обеспечить гражданам такие выгоды, как бесплатная медицинская помощь и образование и выступают против дальнейшей либеральной приватизации.

Общим для граждан трех стран является сегодня понимание демократии как политической ценности: исследования показывают, что многие россияне (44%) связывают демократию со свободой слова, печати, вероисповедания, а большинство поляков (68%) считают демократию лучшим из возможных

²³ http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2011/K_153_11.PDF, с. 4.

политических режимов, более половины белорусов оценили политический демократический режим как хороший и очень хороший. Таким образом, демократический транзит имеет достаточную социальную базу. Конечно, различий в ценностных предпочтениях граждан трех стран значительно больше, чем общих ценностей. Очевидно, что в Польше сегодня сильнее влияние религиозных ценностей на политику (87% поляков считают себя глубоко верующими), и это детерминирует определенный ценностный раскол польского общества: более атеистически настроенное молодое поколение выступает за секуляризацию политики, сталкиваясь с религиозными ценностями старших поколений. В Беларуси, при наивысшем ранге доверия к православной церкви, население в целом все же придерживается секулярных ценностей. В России более позитивно, чем в предыдущие годы, воспринимаются ценности национальной самобытности и особенно державности, что политологи интерпретируют в контексте потребности восстановления значимого статуса страны на мировой арене. Но при всех различиях в ценностных предпочтениях россиян, белорусов и поляков, очевидно что общее и особенное в этих странах глубоко отлично от аксиологического поля „старой Европы”, ориентированной на мораль успеха и культ индивидуализма. Возникает вопрос: могут ли обозначенные выше политические ценности граждан трех указанных стран стать основой модернизации их обществ? Мнения политологов и социологов здесь расходятся. Некоторые эксперты, используя западные методики исследования ценностей, например известный феномен, обозначенный Рональдом Инглхартom как глобальный сдвиг ценностной системы человечества от материализма к постматериализму, считают, что в России, Польше и других странах Восточной Европы пока такого сдвига не произошло, здесь исповедуют „ценности материализма”. Под ценностями „материализма” понимают предпочтение физической и психологической безопасности и благополучия, а под ценностями „постматериализма” – свободу выбора и самовыражения, индивидуализм, качества жизни. Инглхарт считает, что успехи в послевоенном экономическом развитии и отсутствие военных конфликтов способствовали тому, что молодое поколение в развитых странах Запада больше внимания стало уделять реализации „постматериальных” потребностей таких, как самореализация, качество жизни, права человека и т.п. Этот креативный класс – основа современной инновационной модернизации²⁴.

Поскольку в России, Беларуси, Польше преобладают материалистические ценности или „ценности выживания”, некоторые исследователи делают пессимистический вывод об отсутствии социальной базы для современной инновационной модернизации.

²⁴ Р. Инглхарт, *Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества*, „Полис” 1997, No. 4.

Думается, что использование зарубежных методик в такой тонкой социокультурной сфере, как сфера ценностей, некорректно. Напомним известный случай с методологией М. Вебера. Многие западные политологи в середине XX века, вслед за М. Вебером, отнесли некоторые цивилизации и культуры к числу „нереформируемых”, поскольку там присутствовали традиционные ценности, диаметрально противоположные „морали успеха” и индивидуализму западных стран. Прежде всего, речь идет о странах АТР, где клановый характер общества и ценности конфуцианства представлялись Веберу несовместимыми с реформацией западного типа. Но это были ошибочные суждения, которые не подтвердились практикой. В начале XXI века весь мир заговорил о модернизационном рывке „азиатских драконов”. Данный факт подтверждает, что необходимо рассматривать ценности в контексте национальной культуры, а не с позиций инокультурного опыта. И не ставить под вопрос креативность собственного народа, а перевести вопрос в позитивную плоскость: как сделать наши национальные ценности основой модернизации?

Поэтому нам представляется, что традиционные ценности россиян, белорусов и поляков тоже могут стать сегодня опорой модернизации в наших странах. Стремление опереться на государство в условиях кризиса совсем не мешает развитию демократии, а консерватизм и иерархия способствуют стабильности, которая сегодня так востребована. Очевидно, что политическая культура не может существовать без ценностей, и модернизация берет свое начало в сфере символики, представлений, а также важных для человека идей. Их позитивное осознание и принятие политической элитой и всем обществом является необходимым этапом для успешного процесса политических преобразований.

Irina A. Wasilenko, Larisa G. Titarenko, Małgorzata Abassy

Analiza porównawcza wartości politycznych w procesie modernizacji Rosji, Białorusi i Polski

Artykuł poświęcony jest problematyce wpływu wartości politycznych na procesy modernizacyjne w Rosji, Białorusi i Polsce. Autorzy artykułu zwracają uwagę, że system wartości, w tym także w sferze politycznej, wywiera istotny wpływ na proces przeobrażeń o charakterze modernizacyjnym. Jednocześnie autorzy zwracają uwagę, że w procesie modernizacji w świadomości zbiorowej również zachodzą istotne zmiany w odniesieniu do wyznawanego systemu wartości. Proces ten jest obserwowany we wszystkich analizowanych państwach regionu Europy Środkowej i Wschodniej.

Ирина А. Василенко, Лариса Г. Титаренко, Малгожата Абассы

Сравнительный анализ политических ценностей в процессе модернизации России, Беларуси и Польши

Статья посвящена проблеме влияния политических ценностей на процесс модернизации в России, Беларуси и Польше. Авторы подчеркивают, что ценности оказывают существенное влияние на процесс преобразований, выделяют некоторые общие ценностные изменения в сознании граждан трех стран в процессе посткоммунистического транзита.

Irina A. Wasilenko, Larisa G. Titarenko, Małgorzata Abassy

Comparative analysis of political values in the process of modernization in Russia, Belarus and Poland

Comparative analysis of political values in the process of modernization in Russia, Belarus and Poland. The article deals with the problem of political values and their role in the process of modernization in three countries. The authors stress the fact that values have a significant impact on the current process of political and economic modernization in Russia, Belarus and Poland and explore the changes in the system of values of the citizens.